

ПОЛЕМИКА

С.Н. Бройтман

ИСПЫТАНИЕ БАХТИНЫМ

В 72 номере «Нового литературного обозрения» за 2005 г. опубликована рецензия С.Н. Зенкина «Испытание тезаурусом». В ней речь идет о «Материалах к словарю терминов тартуско-московской семиотической школы» (1999), втором выпуске «Бахтинского тезауруса (2003) и словаре «Западное литературоведение XX века» (2004). Мы позволим себе высказаться **только** по поводу того, что написано о Бахтинском тезаурусе.

Учитывая то, что данный выпуск – лишь **часть** задуманной его авторами работы, С.Н. Зенкин отказывается от его оценки по существу и говорит о нем как о «представительном образце метода»¹, который ему не нравится. Почему – станет ясно, когда мы получим представление о методе самого рецензента.

Согласно С.Н. Зенкину, теория литературы «и в нашей стране и во всем мире – завершила определенный круг развития (некоторые даже скажут, “завершила *свой* цикл развития”, то есть вообще кончилась)»². Так все-таки: завершила определенный период или «кончилась»? Недвусмысленно нам на этот вопрос не отвечают, конечно, из «методологических соображений», подталкивая нас, однако, подверстать судьбу *теории* к тому, что мы уже знаем о многочисленных смертях, поразивших литературу в XX веке, – смерти романа, смерти автора и т.д.

Методологические основания рецензента открываются и дальше, когда выясняется, почему в последнее время часто начали появляться слова-

ри по теории литературы, – этот факт наш автор возводит в ранг «мирового словарного бума». Главная причина, по С.Н. Зенкину: для «кончившейся» теории литературы естественно обратиться к созданию словарей, ибо они «сохраняют и даже подчеркивают понятийный метаязык описываемой дисциплины, но не высказывают на нем завершенных текстов»³. Вот, оказывается, каков идеал современной теоретической мысли (он даже сформулирован изысканно и по-иностранному): «не высказывать текстов». В переводе на простой язык это значит: не брать на себя ответственности ни за что и создавать вторичные, воистину безысходные дискурсы об уже существующих дискурсах.

Мы не будем говорить, насколько применимы провозглашаемые методологические приемы ко всем трем рецензируемым изданиям, но с Бахтинским тезаурусом у них, во всяком случае, нет точек пересечения. С.Н. Зенкин это видит, но вся тонкость его критического метода заключается в том, чтобы, не сказав ничего определенно, исподволь внушить читателю, что авторы не выдерживают испытания тезаурусом, ибо они (вслед за М.М. Бахтиным) не придерживаются современной методы рецензента и устарело продолжают «высказывать тексты». Тут приоткрывается еще одна составляющая метода С.Н. Зенкина: релятивистский отказ от суждений у него нерелексированно соединяется с позицией «знающего, как надо».

Мы уже видели, что С.Н. Зенкин знает о кризисе-смерти теории и знает, почему ее должны заменить словари. Далее, относительно словаря точно известно, что его задача – «подвести итоги»; «сохранить понятийный метаязык описываемой дисциплины»; представить «его как *готовый* к применению, аккуратно разложенный и начищенный *набор* тонких инструментов»⁴; наконец, автор уверен, что «любой словарь всегда призван *сглаживать*, нормализовать реальное разноречие»⁵ (курсив наш – С.Б.).

То, что существуют *разные типы* словарей, а потому у некоторых из них могут быть *исследовательские* задачи, в расчет не принимается.

Относительно М.М. Бахтина автор тоже знает, что тот «непоследователен в употреблении терминов», «мало озабочен тем, чтобы придать им устойчивый, однозначный, удобный для систематизации и трансляции смысл»⁶. То, что терминологическая непоследовательность М.М. Бахтина – околонуточный миф, уже снятый серьезными исследованиями, а однозначность и удобство для трансляции были не идеалом ученого, а совсем наоборот, – все это для рецензента, знающего, «как надо», совершенно неважно.

В действительности, смесь релятивизма и догматизма, кажущаяся С.Н. Зенкину новейшим методом теории литературы, противопоказана и М.М. Бахтину, и «Бахтинскому тезаурусу». Тезаурус не ставит задачи «подведения итогов» (это делают над мертвым); его авторы хотят не просто «сохранить», а еще *понять и изучить* язык Бахтина, чтобы *ответить* ему, учитывая его природу (проблема, актуальная и для рецензента, но им не отрефлексируемая, что показывают многие места его статьи). И уж совсем авторы тезауруса не рассматривают язык ученого как «готовый набор» чего бы то ни было. Это было бы прямым неуважением к ученому, который своим методом (а не декларациями) доказал, что «*ничего окончательного в мире еще не произошло, последнее слово мира и о мире еще не сказано, мир открыт и свободен, еще все впереди и всегда будет впереди*»⁷. Столь же несвойственно «Тезаурусу» «сглаживать» разноречие Бахтина – авторы, напротив, стремились услышать в его высказывании разные голоса и понять смысл его многоголосия (на уровне менее явном, чем язык «масок» ученого).

Налицо, таким образом, глухое (**полное?**) несовпадение исходных установок рецензента с научным методом М.М. Бахтина, который стараются выявить и осознать его исследователи. Истоки этого несовпадения

выходят за пределы науки, что порой и искушает рецензента переходить с академического тона на тон Зоила. Но мы оставим это на совести автора и рассмотрим его замечания по существу, насколько это возможно при химическом составе его чернил.

Главный предмет его несогласия с авторами тезауруса – их понимание самой сущности научного языка М.М. Бахтина. В такой ситуации научная корректность требовала от рецензента **системно** изложить аргументы своих оппонентов и затем подвергнуть их критическому анализу. Но, очевидно, это было бы отступлением от заветного методологического убеждения С.Н. Зенкина – «не высказывать текстов». Поэтому он заходит сбоку.

Авторы тезауруса (равно как и Л.А. Гоготишвили, А. Садецкий и др.) приводят доказательства, говорящие о диалогической природе научного языка М.М. Бахтина, который не поддается монологическому овеществлению. С.Н. Зенкин прямо с ними не спорит, но ищет у своих оппонентов «ошибки», которые могут дискредитировать их точку зрения.

Иронизируя над авторами тезауруса, якобы «взыскующими» у Бахтина «принципиально невыразимых, не формулируемых “вещественным” дискурсом высших смыслов»⁸, рецензент заодно приписывает своим оппонентам нечто противоположное тому, что они говорят, запросто смешивая «*вещественное*» и «*овеществленное*». Мы пишем, что термины Бахтина не поддаются именно «овеществлению», то есть формализованному, чисто логическому и объектному пониманию, но из этого никак не следует, что мы считаем высказывание Бахтина **чем-то** «невещественным», то есть не имеющим материального носителя.

Другую ошибку С.Н. Зенкин находит, как ему кажется, в нашем утверждении, что М.М. Бахтин как «первичный автор» «облекается в молчание». «Это заключение, – сетует он, – пожалуй, не вполне логически последовательно. Судя по контексту, в словах об “авторе произведения” Бах-

тин имеет в виду писателя-художника (вероятно, он как-то иначе высказался бы об авторе расписки или милицейской справки). Между тем сам он был не писателем, а ученым, следовательно, к его собственному дискурсу сказанное, вообще говоря, не относится»⁹.

Перед нами образец логического и при этом абсолютно не соответствующего действительности суждения. «Первичным автором» (а не просто «автором произведения») Бахтин в интересующем нас контексте называет не только писателя: «Слово первичного автора не может быть *собственным* словом, оно нуждается в освящении чем-то высшим и безличным (научными аргументами, экспериментом, объективными данными, вдохновением, наитием, властью и т.п.)»¹⁰. Очевидно, что «научные аргументы, эксперимент, объективные данные» – отсылают нас к автору-ученому, «вдохновение» – к писателю, «наитие» – к религиозному деятелю, «власть» – к политику. В каждой из данных областей, по Бахтину, можно быть «автором», но можно остаться «героем». Конечно, на автора денежной расписки эти положения целиком распространить нельзя, но на ученого, о чем у нас идет речь, можно и нужно, если, конечно, это не автор, «не высказывающий текстов». Различия же между автором научной работы и художественного произведения, которые Бахтин, естественно, хорошо видит, – более тонкие, и мы здесь в них погружаться не будем, заметив только, что они связаны с наличием или отсутствием «героя» высказывания.

Да, о смысле термина Бахтина нужно думать каждый раз, а не один раз навсегда. Конечно, с точки зрения экономии мышления тут большое неудобство. Особенно если перед нами гротескный в самом прямом смысле слова термин, например, «внежизненно активная» позиция. С точки зрения С.Н. Зенкина, это всего лишь «причудливое» и «самодельное» образование, а автор статьи об этом термине «ставит перед собой невыполнимую задачу – нормализовать понятие, для которого Бахтин не придумал устойчивого термина, ибо “внежизненно активная позиция” – это ведь да-

же не гапакс, а искусственный исследовательский конструкт: сам Бахтин писал о “внежизненно активной” *точке зрения* (этот смысловой нюанс не так уж ничтожен), да и то всего однажды, а в остальных случаях пользовался выражениями “небытийность”, “вненаходимость”, “чисто смысловая активность” и прочими сугубо негативными словесными жестами¹¹.

И здесь рецензент демонстрирует ту же проницательность, что и выше. Бахтин, действительно, чаще всего употребляет формулу «внежизненная активность» и редко определяет, чем она является – «точкой зрения», «подходом» или «позицией». Все эти моменты в ней соприкасаются, как и некоторые другие. Известно, что ученый избегал давать многие свои ключевые категории в их исчерпывающей и статической формулировке, предпочитая рассыпать их составляющие по всему тексту и создавать контекст «голосов», в котором они будут прочитываться не как отвлеченные идеи, а как живые позиции личностей. Но интерпретаторы ученого склонны выхватывать один из этих голосов, выдавая его за всего Бахтина. До сих пор почти исключительное внимание толкователей (в том числе и С.Н. Зенкина) из всех вариаций термина привлекала его наименее развернутая и легче всего «логизируемая» формула – «вненаходимость», в итоге чего смысл понятия оказался обедненным. Это поставило задачу выявить инвариант данного термина, что мы и попытались сделать. И тогда оказалось невозможно обойтись без бахтинского слова «позиция», ибо оно входит в инвариантную структуру интересующей нас формулы.

Этим словом ученый пользовался гораздо чаще, чем термином «точка зрения», который встречается в таком контексте только один раз. Но дело не в частоте использования, а в его смысле и закономерности.

Бахтин прибегает именно к слову «позиция», когда говорит о двух противоположных пределах «внежизненной активности»: о нижнем – «жизненно-практической позиции»¹², и о верхнем – «положительной активности новой авторской позиции в полифоническом романе»¹³.

В большинстве других случаев «внежизненная активность» корреспондирует *не с точкой зрения, а с позицией* («активность» – «ценностная позиция») – благодаря переключкам семантических полей этих слов. Вот небольшая подборка словоупотреблений из работ разных лет (курсив везде Бахтина).

«*Эта вненаходимость* (но не индифферентизм) позволяет художественной активности *извне* объединять, оформлять и завершать событие <...>. Нужна существенная ценностная позиция вне познающего и вне должествующего и поступающего сознания, находясь на которой можно было бы совершить это объединение и завершение (и завершение изнутри самого познания и поступка невозможно)»¹⁴.

«Я становлюсь активным в форме и *формой занимаю ценностную позицию вне содержания* – как *познавательно-этической направленности*»¹⁵.

«Здесь уместно еще раз подчеркнуть *положительную активность* новой авторской позиции в полифоническом романе»¹⁶.

«*Всякий настоящий* читатель Достоевского, который воспринимает его романы не на монологический лад, а умеет подняться до новой авторской позиции Достоевского, чувствует *активное расширение* своего сознания, но не только в смысле освоения новых объектов (человеческих типов, характеров, природных и общественных явлений), а прежде всего в смысле особого, никогда ранее не испытанного диалогического общения с полными человеческими сознаниями и активного диалогического проникновения в незавершимые глубины человека»¹⁷.

«Позиция сознания при создании образа другого и образа самого себя. Сейчас это узловая проблема всей философии. Начать с анализа примитивной позиции самосознания (но не в историческом плане). Человек у зеркала. Сложность этого явления при кажущейся простоте. Элементы его. Простая формула: я гляжу на себя глазами другого, оцениваю себя с точки

зрения другого. Но за этой простотой необходимо вскрыть необычайную сложность взаимоотношения участников (их окажется много) этого события. Вненаходимость (я вижу себя вне себя)¹⁸.

Во всех этих случаях ни разу не звучит вся формула «внежизненно активная позиция», но каждый раз речь идет именно о ней, а ее компоненты (хотя принадлежат разным произведениям 20–60 гг.) создают сплошной контекст, важнейшими составляющими которого являются «позиция», «активность», «вненаходимость»: *вненаходимость – художественная активность – ценностная позиция вне познающего – извне; становлюсь активным в форме – формой занимаю ценностную позицию; положительная активность авторской позиции; новая авторская позиция – активное расширение сознания – активного диалогического проникновения; позиция сознания – вненаходимость.*

Целостности такого контекста позавидовал бы любой автор отдельного произведения.

Претендуя на критику Бахтина (да и его исследователей), стоило бы **проявить** большую чувствительность к стилю его научного мышления. Рецензента же, к сожалению, отличает сознательная или бессознательная установка то, чтобы *не слышать* своих оппонентов. Глух автор **рецензии** и к важнейшим категориям Бахтина. Он, **как уже было отмечено**, смешивает «овеществленное» и «вещественное»; утверждает, что «в эстетике Бахтина понятия ориентированы не на практическое применение, а на апофатическое иносказание»; «внежизненно активную» позицию принимает за «жест отрицания непосредственных данностей жизни сознания», «нечто, находящееся по ту сторону жизни»; термины ученого называет «причудливыми» и «самодельными»¹⁹, а его языку отказывает в авторефлексивности.

Если говорить об авторефлексивности научного языка Бахтина, то она после работ ряда исследователей, на которых ссылается и «Тезаурус»,

– научно доказанный факт. Чтобы его опровергнуть, нужно привести специальные аргументы. Ничего этого автор рецензии и не пытается сделать, но не устает повторять свое: «Бахтинская теория словесного творчества, при всей своей глубине, не обладает авторефлексивностью»²⁰. Причем сначала это категорически утверждается, а потом выясняется, что это лишь *может быть* так («и одним из таких пределов может оказаться как раз отсутствие авторефлексивности»²¹). Хорошо было бы рецензенту при этом различать авторефлексию глухого и авторефлексию слышащего. Первая знает только себя и по приведенному выше образцу глухо повторяет свое, сама собою заслушиваясь; вторая – учитывает еще и другого, по крайней мере, умеет с ним аргументированно и уважительно спорить.

¹ *Зенкин С.Н.* Испытание тезаурусом (Заметки о теории, 10) // Новое литературное обозрение. 2005. № 72. С. 330.

² Там же. С. 327.

³ Там же. С. 327–328.

⁴ Там же. С. 327–328.

⁵ Там же. С. 330.

⁶ Там же. С. 330.

⁷ *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972. С. 284–285.

⁸ *Зенкин С.Н.* Указ. соч. С. 335.

⁹ Там же. С. 330–331.

¹⁰ *Бахтин М.М.* Из записей 1970–1971 гг. // *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 353.

¹¹ *Зенкин С.Н.* Указ. соч. С. 332.

¹² *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 7.

¹³ *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. С. 116.

¹⁴ *Бахтин М.М.* Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 33.

¹⁵ Там же. С. 59.

¹⁶ *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. С. 116.

¹⁷ Там же. С. 117.

¹⁸ *Бахтин М.М.* К вопросам самосознания и самооценки // Собр. соч.: В 7 т. Т. 5. М., 1996. С. 72.

¹⁹ *Зенкин С.Н.* Указ. соч. С. 331.

²⁰ Там же. С. 331.

²¹ Там же. С. 331.